РУДАКОВЪ

К 2 3/45

1906

В. Е. Рудаковъ.

ТРЕТІЙ ОБЛАСТНОЙ

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ

ВЪ ГУБ. Г. ВЛАДИМИРѢ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1906

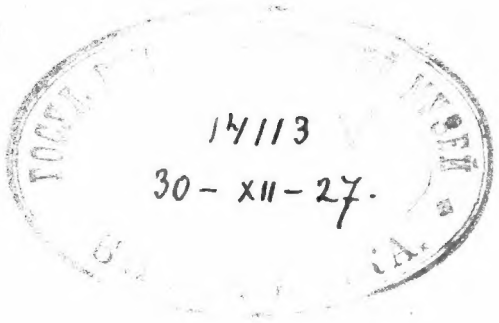
В. Е. Рудаковъ.

ТРЕТІЙ ОБЛАСТНОЙ

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ

ВЪ ГУБ. Г. ВЛАДИМИРѢ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1906



Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13.

Дѣятельность ученыхъ архивныхъ комиссій, этихъ провинціальныхъ историко-археологическихъ обществъ, за послѣднее десятилѣтіе настолько расширилась и въ отношеніи все продолжающаго возрастать числа самихъ комиссій (нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ возникла новая, счетомъ 27-ая, Ставропольская архивная комиссія), и въ смыслѣ развитія ихъ задачъ, что она, можно сказать, уже вышла изъ предѣловъ извѣстности только въ небольшомъ кругу спеціалистовъ и становится все болѣе и болѣе доступной и интересной для такъ называемаго большого общества. Однимъ изъ могучихъ въ этомъ отношеніи средствъ надо признать устройство архивными комиссіями областныхъ историко-археологическихъ съѣздовъ. Первый такой съѣздъ былъ устроенъ въ Ярославлѣ въ 1901 г.; второй черезъ два года въ Твери и наконецъ третій съ 20 іюня сего года во Владимирѣ губернскомъ.

Въ свое время немало писалось и говорилось о томъ интересѣ и вниманіи, которые возбудили среди ученыхъ и общества первые археологическіе съѣзды—Ярославскій и Тверской; а изданные ими обширные «Труды» надолго послужатъ достойными памятниками ихъ плодотворной работы.

Если въ устройствѣ вышеозначенныхъ съѣздовъ и было участіе сосѣднихъ архивныхъ комиссій, то по отношенію къ Владимирскому археологическому съѣзду сказать этого нельзя: онъ подготовленъ и устроенъ исключительно трудами однихъ главнѣйшихъ дѣятелей Владимирской ученой архивной комиссіи, сумѣвшихъ поставить молодую еще Владимирскую комиссію въ рядъ выдающихся мѣстныхъ историко-археологическихъ обществъ. Въ числѣ этихъ дѣятелей нельзя не назвать прежде всего А. В. Селиванова, А. В. Смирнова, Н. Вл. Малицкаго, В. Г. Добронравова, В. Т. Георгіевскаго и др. О широкой и плодотворной дѣятельности членовъ Владимирской комиссіи говоритъ еще и то, что, несмотря на свое шестилѣтнее существованіе, комиссія имѣетъ собственный двухъэтажный домъ, отстроенный къ открытію съѣзда.

Третій областной историко-археологическій съѣздъ въ г. Владимирѣ открылся въ помѣщеніи дворянскаго собранія 20 іюня

1906 г. молебствіемъ, совершеннымъ муромскимъ епископомъ Александромъ. Среди цѣлаго ряда выраженныхъ ему привѣтствій—отъ епископа, вице-губернатора, городского управленія, архивныхъ комиссій, ученыхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ,—особое вниманіе обратила на себя рѣчь предсѣдателя съѣзда, директора императорскаго археологическаго института, Н. В. Покровскаго, который, между прочимъ, началъ такъ: «Вниманіе учредителей областныхъ историко-археологическихъ съѣздовъ остановилось на Владимиро-Суздальской области, и къ ней пріурочены археологическія занятія съѣзда, въ виду ея выдающагося историко-археологическаго значенія и изобилія сохранившихся до насъ разнообразныхъ памятниковъ старины. Извѣстно, что Суздальскій край съ незапамятныхъ временъ заселенъ былъ преимущественно финнами; въ X вѣкѣ, какъ показали археологическія раскопки, господствующее населеніе здѣсь было уже русское. Въ XII вѣкѣ Андрей Боголюбскій перенесъ сюда великокняжескій престолъ, и Владиміръ становится столицею княжества. Это былъ первый шагъ по направленію къ Москвѣ,—шагъ смѣлый, гарантированный преимуществами вновь зарождающагося государственнаго центра... Вмѣстѣ съ великокняжескимъ дворомъ Андрей Боголюбскій сталъ переносить сюда и обычаи Кіева: видимо, онъ подражалъ Кіеву. Подъ вліяніемъ этой мысли онъ заложилъ во Владимирѣ новый городъ-крѣпость, по образцу Ярославова города, съ такими же Золотыми воротами, какъ въ Кіевѣ; перенесъ во Владиміръ кіевскія названія мѣстностей, напримѣръ, Печерный городъ, Лыбедь, Иринины ворота и проч. Онъ же сооружалъ здѣсь и первые христіанскіе храмы. Отселѣ начинается исторія христіанскаго искусства Владимиро-Суздальской области. Періодъ процвѣтанія этого искусства былъ непродолжителенъ, онъ оканчивается съ перенесеніемъ столицы въ Москву (1325 г.); тѣмъ не менѣе памятниковъ искусства отъ этой непродолжительной эпохи сохранилось до насъ очень много: сюда относятся памятники архитектуры, живописи, металлическаго производства и даже эмали»...

Указавъ затѣмъ на то, что эти памятники давно уже обратили на себя вниманіе изслѣдователей и ученыхъ, создавшихъ цѣлую литературу, ораторъ справедливо замѣчаетъ, что, хотя «на первомъ всероссійскомъ археологическомъ съѣздѣ (1869 г.) и былъ широко поставленъ вопросъ о характерѣ и генезисѣ Владимиро-Суздальской архитектуры», тѣмъ не менѣе «ученая дѣятельность этого рода несомнѣнно обновилась съ учрежденіемъ во Владимирѣ въ 1899 г. ученой архивной комиссіи», которой, однако, въ этомъ направленіи предстоитъ еще немало работы.

Древнѣйшая послѣ Кіева великокняжеская столица, уступившая мѣсто Москвѣ и затѣмъ Петербургу, г. Владиміръ въ настоящее время принадлежитъ къ числу заурядныхъ губернскихъ городовъ.

Расположенный на высокомъ берегу узкой и мелководной рѣки Клязьмы, вдали отъ фабрикъ и заводовъ, съ 26—27-ью-тысячнымъ населеніемъ, онъ въ торгово-промышленномъ отношеніи считается захудалымъ городомъ и былъ бы еще бѣднѣе, если бы не былъ административнымъ центромъ въ губерніи. Но обиліе памятниковъ старины какъ въ немъ, такъ и въ прилегающихъ къ нему уѣздныхъ городахъ: Суздалѣ, Муромѣ, Юрьевѣ Польскомъ, Переяславлѣ Залѣсскомъ и другихъ, дѣлаютъ г. Владиміръ и всю его область богатымъ историческимъ центромъ, приковывающимъ къ себѣ вниманіе всѣхъ истинныхъ любителей и цѣнителей памятниковъ древности.

Самыми крупными такого рода памятниками въ г. Владимирѣ являются его соборы: Успенскій и Дмитріевскій. По поводу перваго изъ нихъ авторъ книги: «Городъ Владиміръ на Клязьмѣ и его достопримѣчательности», В. Т. Георгіевскій, говоритъ: «Немного на Руси такихъ храмовъ, которые были бы такъ богаты святынею, древностями и славными историческими воспоминаніями, какъ Владимирскій Успенскій соборъ, построенный въ центрѣ кремля св. благовѣрнымъ великимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ. Болѣе семи вѣковъ пронеслось надъ нимъ, и въ бурномъ теченіи ихъ соборный храмъ Успенія пережилъ, вмѣстѣ съ древлестольнымъ Владиміромъ, и блестящую славу главнаго святилища великокняжеской столицы и цѣлый рядъ ужаснѣйшихъ бѣдствій... Обозрѣвая лѣтописныя сказанія о началѣ соборнаго храма Успенія, мы встрѣчаемъ у всѣхъ лѣтописцевъ единодушное восторженное удивленіе предъ величіемъ, красотою и богатствомъ этого дѣтища «христолюбиваго князя Андрея», создавшаго такой храмъ, «яковаго не бысть на Руси и никогда же не будетъ» [1]). Но драгоцѣннѣе всѣхъ украшеній и сокровищъ храма была поставленная въ немъ чудотворная икона Богоматери, писанная по преданію евангелистомъ Лукою и принесенная Андреемъ Боголюбскимъ изъ Вышгорода. Въ 1395 г. эта святыня была перевезена въ Московскій Успенскій соборъ, а ея мѣсто во Владимирскомъ заняла копія, писанная московскимъ митрополитомъ Петромъ.

Какъ историческій памятникъ, Владимирскій Успенскій соборъ имѣетъ такое же значеніе для русскаго человѣка, какъ св. Софія Кіевская и Новгородская, какъ непосредственный преемникъ славы его—соборный храмъ Успенія въ Москвѣ. Какъ усыпальница цѣлыхъ поколѣній князей, княгинь и святителей земли Русской,

---

[1]) Подробная «Исторія каѳедральнаго Успенскаго собора въ губ. г. Владимирѣ» составлена прот. А. Виноградовымъ (Владиміръ, 1905 г., 3 изданіе). См. также «Древнія гробницы во Владимирскомъ каѳедральномъ Успенскомъ соборѣ и Успенскомъ княгининомъ монастырѣ»—архимандрита Порфирія (Владиміръ, 1903 г., 2 изданіе).

онъ предваряетъ славою своею Архангельскій соборъ въ Москвѣ и Петропавловскій въ Петербургѣ; наконецъ, какъ рѣдкій памятникъ древнерусскаго зодчества и древней настѣнной живописи, онъ—замѣчательное явленіе. «Не напрасно,—читаемъ въ книгѣ В. Т. Георгіевскаго,—вызывалъ Боголюбскій лучшихъ мастеровъ изъ всѣхъ земель для построенія храма! При взглядѣ на это величественное зданіе, освобожденное въ настоящее время отъ всѣхъ искажавшихъ его ранѣе пристроекъ, всякаго невольно поражаетъ стройность и соразмѣрность всѣхъ его частей, красота арокъ, перекинутыхъ по 18 столбамъ его, поддерживающихъ хоры, своды и купола,—изящество главъ его и крѣпость стѣнъ... Не напрасно въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ онъ былъ идеальнымъ образцомъ для многихъ древнерусскихъ храмовъ; въ Юрьевѣ, Ростовѣ, Звенигородѣ и другихъ мѣстахъ по лицу земли Русской были выстроены храмы по образцу собора Успенскаго. Когда великій князь Іоаннъ Васильевичъ III, утверждая единодержавіе въ Москвѣ, пожелалъ устроить въ ней соборный храмъ, то не нашелъ лучшаго образца, какъ во Владимирскомъ Успенскомъ соборѣ. Его мастера пріѣзжали во Владимиръ и сняли точную мѣру его; затѣмъ знаменитый зодчій Аристотель Фіоравенти, строившій храмъ Успенія въ Москвѣ, нарочито пріѣзжалъ во Владимиръ для обозрѣнія собора и былъ пораженъ красотою его архитектуры».

Его фрески XII в., обновленныя въ XV в. искусной кистью знаменитаго Андрея Рублева, «по полнотѣ иконографическихъ сюжетовъ и по художественности исполненія не имѣютъ себѣ равныхъ среди памятниковъ древнерусскаго искусства и иконографіи, сохранившихся до сего времени, за исключеніемъ развѣ кіево-софійскихъ мозаикъ и фресокъ Спасъ-Нередицкой близъ Новгорода церкви». Въ особенности замѣчательны фрески, изображающія второе пришествіе Христа и страшный судъ, сохранившіяся во всей своей первобытной полнотѣ... Здѣсь не лишне замѣтить, что такого рода художественныя сокровища долгое время были скрыты подъ толстыми слоями штукатурки и масляной краски, и увидали свѣтъ только въ 1882—1884 г. г., благодаря просвѣщенной дѣятельности бывшаго архіепископа владимирскаго Ѳеогноста.

Начавъ рѣчь объ Успенскомъ соборѣ, нельзя, конечно, не упомянуть о томъ, что въ немъ покоятся мощи: 1) св. благовѣрнаго великаго князя Георгія Всеволодовича, убитаго татарами въ сраженіи на р. Сити въ 1237 г. (съ 1645 г.); 2) Андрея Боголюбскаго (съ 1702 г.) и 3) сына его, князя Глѣба Андреевича (съ 1702 г.); что въ числѣ древнѣйшихъ его иконъ обращаютъ на себя вниманіе: 1) икона Владимирской Божіей Матери, писанная св. митрополитомъ Петромъ; 2) икона Божіей Матери, такъ называемая Максимовская, написанная вслѣдствіе видѣнія, бывшаго

митрополиту Максиму въ 1299 г.; 3) икона Знаменія Пресвятой Богородицы, написанная въ 1640 г.; 4) икона великаго князя Георгія; 5) икона Спасителя, въ золотой ризѣ, высокой греческой живописи, и другія, и что на ряду съ древними церковными предметами сохранились въ немъ и замѣчательныя рукописи: Минея XVI в., синодикъ, переписанный со стараго въ 1651 г., «Лѣтописецъ о покореніи Казанскаго царства и о другихъ событіяхъ», рукопись, написанная въ 1695 г., съ расписными заглавными листами, и заключающая въ себѣ службу благовѣрному великому князю Георгію, владимирскому чудотворцу, и повѣсть объ убіеніи великаго князя Георгія, и другія.

Второй вышеназванный нами Дмитріевскій соборъ рѣзко выдѣляется своимъ наружнымъ видомъ среди окружающихъ его зданій и храмовъ и представляетъ собою рѣдкій памятникъ церковнаго зодчества XII в. Построенный въ 1193—1197 г. г. великимъ княземъ Всеволодомъ III на великокняжескомъ дворѣ, много разъ подвергавшійся разграбленіямъ и разореніямъ со стороны татаръ, литовцевъ и поляковъ, онъ, однако, сохранилъ свои древнія стѣны со всѣми наружными украшеніями. Правда, въ царствованіе Іоанна Грознаго IV къ нему пристроили придѣлы съ южной и сѣверной стороны, и притворъ и двѣ небольшія колокольни съ западной, которыя закрывали собою многія изъ древнѣйшихъ украшеній, но императоръ Николай Павловичъ, посѣтившій Владиміръ въ 1834 г., приказалъ уничтожить эти пристройки и возобновить соборъ въ его первоначальномъ видѣ, что̀ и было исполнено къ 1847 г.

Дмитріевскій соборъ, сложенный изъ бѣлаго известковаго камня, вывезеннаго изъ Волжской Болгаріи, имѣетъ видъ правильнаго четыреугольника, продолговатыя стороны котораго обращены къ сѣверу и къ югу. «Восточная алтарная сторона выступаетъ тремя полукружьями, изъ которыхъ среднее больше другихъ. Западная, сѣверная и южная стѣны раздѣляются каждая на части тонкими колоннами... По срединѣ стѣнъ, кругомъ всего собора, идетъ роскошный узорчатый поясъ. Своды, опираясь на четырехъ внутреннихъ столбахъ, поддерживаютъ высокій куполъ, увѣнчанный шлемообразною главою съ мѣднымъ рѣзнымъ четырехконечнымъ крестомъ» [1]).

Главное отличіе этого собора отъ подобныхъ ему древнерусскихъ кіевскихъ храмовъ составляютъ наружныя украшенія, которыми испещрено почти все зданіе. Эти барельефы не имѣютъ ничего себѣ подобнаго въ произведеніяхъ византійскаго искусства, украшавшихъ собою византійскіе храмы, и свидѣтельствуютъ о томъ, что въ постройкѣ собора участвовали западные зодчіе, и

[1]) Стр. 94 цитированнаго уже сочиненія В. Т. Георгіевскаго: «Губернскій городъ Владиміръ и его достопримѣчательности» (Владиміръ, 1896).

именно романскіе. Благодаря ихъ склонности къ барельефнымъ украшеніямъ, послѣднія получили широкое примѣненіе и въ Дмитіевскомъ соборѣ. «Всѣ стѣны на наружныхъ впадинахъ между колонками, начиная отъ пояса до кровли, и самый куполъ были испещрены этими украшеніями, состоящими изъ рельефно высѣченныхъ на камняхъ фигуръ святыхъ, различныхъ травъ, птицъ и животныхъ, почти исключительно фантастическихъ» [1]). Главная и центральная фигура среди этихъ украшеній представляетъ неизвѣстнаго святого, сидящаго на богато убранномъ престолѣ съ короной на головѣ и сіяніемъ вокругъ нея. По мнѣнію однихъ, это—Господь Вседержитель, а по мнѣнію другихъ—царь и пророкъ Давидъ...

Во время реставраціи храма была открыта и часть древнихъ фресокъ, сохранившаяся подъ штукатуркою, на парусахъ сводовъ и подъ хорами у западной стороны. Фрески эти составляютъ часть одной картины страшнаго суда, который издавна былъ излюбленнымъ сюжетомъ для церковной стѣнописи. Изъ древнихъ иконъ въ соборѣ замѣчательна икона св. великомученика Димитрія Солунскаго, по всей вѣроятности, копія съ иконы, писанной при Всеволодѣ III. Внутри собора около одной изъ стѣнъ его обращаетъ на себя вниманіе памятникъ изъ бѣлаго каррарскаго мрамора надъ могилой графа Романа Иларіоновича Воронцова, перваго намѣстника владимирскаго, умершаго въ 1783 г.

Послѣ Успенскаго и Дмитріевскаго соборовъ, какъ главнѣйшихъ «достопримѣчательностей» г. Владимира, слѣдуетъ указать еще на Рождественскій монастырь (нынѣ архіерейскій домъ), которому при самомъ его основаніи великій князь Всеволодъ III Юрьевичъ указалъ быть «старѣйшимъ изъ монастырей великой Руси», и который «писался первымъ до 1561 г.», когда это первенство перешло къ Троице-Сергіевой лаврѣ. Древнѣйшая его церковь во имя Рождества Богородицы была построена въ 1191 г. и оставалась въ своемъ первоначальномъ видѣ до конца XV вѣка. Послѣдовавшіе затѣмъ пожары и всевозможныя пристройки значительно измѣнили и испортили его, и только въ 1858 г., благодаря знатокамъ древнерусскаго зодчества, первоначальный видъ церкви былъ возстановленъ. 23 ноября 1263 г. здѣсь былъ погребенъ великій князь Александръ Невскій, во имя котораго существовала здѣсь и небольшая церковь «на святыхъ вратахъ». Въ 1723 г., по повелѣнію императора Петра I, почивавшія въ ней мощи св. Александра Невскаго были перенесены въ Александро-Невскую лавру въ С.-Петербургѣ.

Подъ одной изъ церквей этого монастыря (нынѣ архіерейскаго дома) помѣщается открытое въ 1886 г. при Александро-Невскомъ братствѣ церковно-историческое древлехранилище, весьма бо-

---

[1]) Стр. 95 цитированнаго уже сочиненія В. Т. Георгіевскаго: «Губернскій городъ Владиміръ и его достопримѣчательности» (Владиміръ, 1896).

гатое по собранію рукописей и древнихъ старопечатныхъ книгъ, а также и предметовъ церковной утвари. Изъ числа рукописныхъ сборниковъ единственный Требникъ XVI в., списанный съ рукописи 1426 г., послужилъ даже предметомъ особаго доклада проф. А. Дмитріевскаго на засѣданіи съѣзда 24 іюня, какъ имѣющій по находящимся въ немъ «чинамъ», практиковавшимся въ великой Константинопольской церкви и неизвѣстнымъ до сихъ поръ въ наукѣ, высокій научный интересъ [1]).

Нѣсколькими годами позже былъ основанъ во Владимирѣ другой замѣчательный и богатый древностями монастырь, называемый «Княгининъ Успенскій женскій монастырь», состоящій съ 1900 г. въ первомъ классѣ. Основательница его—супруга великаго князя Всеволода III княгиня Марія Шварновна, отличавшаяся необыкновенной добротой и благочестіемъ. Древнѣйшая церковь монастыря—Успенская, сохраняется и понынѣ почти въ своемъ первоначальномъ видѣ, за исключеніемъ крыши и главъ, передѣланныхъ еще въ XVII вѣкѣ; кромѣ того, она единственная въ Суздальской области отъ XII—XIII вѣковъ—кирпичная. Въ 1230 г. въ нее были перенесены мощи св. Авраамія, замученнаго въ Великихъ Булгарахъ (или Болгарахъ), и покоятся съ 1804 г. въ особой серебряной ракѣ съ балдахиномъ, отличной рѣзной работы, вызолоченнымъ червоннымъ золотомъ.

Въ началѣ XVII вѣка въ монастырѣ жили несчастныя инокини изъ царскаго рода -Прасковья Михайловна Сомовыхъ, вторая супруга царевича Іоанна, сына Грознаго, и царевна Ксенія, дочь Бориса Годунова [2]).

Отъ того же XII вѣка во Владимирѣ имѣются двѣ приходскихъ церкви: Спасопреображенская и Георгіевская, долгое время бывшія монастырями и, къ сожалѣнію, очень мало сохранившія предметовъ отдаленной древности.

Какъ соборы: Успенскій и Дмитріевскій, такъ и монастыри: Рождественскій и Княгининъ, были предметомъ особаго обозрѣнія и изученія со стороны членовъ владимирскаго историко-археологическаго съѣзда, главнымъ руководителемъ которыхъ былъ извѣстный нашъ знатокъ церковныхъ древностей, Н. В. Покровскій, съ

---

[1]) Краткое описаніе древлехранилища напечатано В. Т. Георгіевскимъ въ 1895 г.; Кромѣ того, отдѣльно было издано къ настоящему съѣзду составленное С. Недешевымъ «Краткое описаніе рукописей церковно-историческаго древлехранилища при братствѣ св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго», вып. I, Владиміръ, 1906 г.

[2]) О Княгининомъ монастырѣ см. «Историческое описаніе первокласснаго Княгинина Успенскаго женскаго монастыря въ губ. г. Владимирѣ» (М., 1900) и «Древнія гробницы во Владимирскомъ Успенскомъ соборѣ и Успенскомъ Княгининомъ дѣвическомъ монастырѣ и погребенные въ нихъ князья, княгини и святители», соч. архим. Порфирія (Владиміръ, 1903 г., изданіе 2-е).

достаточною ясностью выяснившій происхожденіе стѣнописей того и другого собора.

Цѣлый день затѣмъ былъ посвященъ и ознакомленію членовъ съѣзда съ суздальскими соборами и монастырями, подъ руководствомъ В. Т. Георгіевскаго, затѣмъ Н. В. Покровскаго, архимандрита Исидора и проф. И. А. Шляпкина.

Изъ достопримѣчательностей Суздаля нельзя не указать, прежде всего, на соборъ во имя Рождества Богородицы, который считается выдающимся въ архитектурномъ отношеніи съ примѣтами древне-суздальской архитектуры (звѣриная оборонная орнаментика на стѣнахъ). Въ немъ самымъ замѣчательнымъ памятникомъ древнерусскаго искусства признаются двое колоссальныхъ двустворчатыхъ дверей (западныя и полуденныя), на которыхъ имѣется 28 пластинокъ, украшенныхъ живописными сценами. Обращаютъ также вниманіе: деревянный крестъ, на которомъ вырѣзаны праздники Господніе и Богородичные; икона Спаса Нерукотвореннаго, вывезенная святителемъ Ѳеодоромъ изъ Греціи въ 990 г.; икона Богородицы Одигитріи 1382 г. и др. Затѣмъ богатъ разнаго рода церковными предметами (но преимущественно иконами царскихъ иконописцевъ, съ Симономъ Ушаковымъ во главѣ) и историческими гробницами Покровскій женскій монастырь, извѣстный болѣе, какъ мѣсто ссылки для княгинь и царицъ, съ постриженіемъ ихъ въ иночество. Такъ, въ 1526 г. здѣсь была водворена невольная постриженица, безплодная супруга великаго князя Василія Ивановича, Соломонія, съ иноческимъ именемъ Софіи, прожившая въ монастырѣ 16 лѣтъ († 1542 г.); здѣсь же была заключена Іоанномъ Грознымъ въ 1576 г. четвертая его супруга Анна Колтовская; сюда были сосланы въ XVIII вѣкѣ и Марія Петровна, молодая супруга царя Василія Ивановича Шуйскаго, послѣ его свержепія съ престола въ 1610 г., и царица Евдокія Ѳеодоровна (Лопухина), супруга Петра Великаго, постриженная подъ именемъ Елены.

Близъ усыпальницы князей Пожарскихъ съ казематами недавно упраздненной монастырской тюрьмы—Спасо-Евѳиміева мужского монастыря, находится и древнѣйшій суздальскій монастырь Ризположенскій, бывшій мѣстомъ иноческихъ подвиговъ преподобной Евфросиніи, дочери князя Михаила Черниговскаго, замученнаго въ ордѣ. Храмы его—Ризположенскій и Троицкій (XVI—XVII вѣковъ), колокольня, башня и святыя ворота (XVII вѣка), украшенныя разноцвѣтными изразцами, представляютъ немало особенностей, важныхъ для археолога, занимающагося изученіемъ древнерусской архитектуры. Нѣкоторые же предметы церковной утвари, шитыя пелены, иконы и въ особенности рукописное житіе преподобной Евфросиніи, украшенное мастерскими миніатюрами, въ спискахъ XVII и XVIII вѣковъ, являются цѣннѣйшими памятниками древнерусскаго искусства. Входныя ворота монастыря уже обратили вни-

маніе академика В. В. Суслова и описаны имъ въ его академическомъ изданіи: «Памятники древне-русскаго зодчества» [1]).

Помимо указанныхъ владимиро-суздальскихъ достопримѣчательностей, спеціально для членовъ съѣзда была устроена Владимирской архивной комиссіей особая Археологическая выставка. Въ ней, кромѣ комиссіи, приняли участіе своими древними рѣдкостями — древлехранилище при Александровскомъ братствѣ, Владимирскій Успенскій соборъ (ризница), музей Рязанской архивной комиссіи, нѣкоторые частные владѣльцы старинныхъ коллекцій, какъ, напримѣръ, Д. Г. Бурылинъ изъ г. Иваново-Вознесенска, Е. И. Голышева изъ Голышевки (близъ слободы Мстеры), гг. Цѣпковы изъ Мстеры, А. В. Селивановъ изъ Владимира и др. Наиболѣе богаты отдѣлы: церковныхъ древностей, гдѣ много древнихъ иконъ, доставленныхъ мстерскими иконописцами-старинщиками, коллекція крестовъ, деревянныхъ брачныхъ вѣнцовъ, царскихъ вратъ и т. п. во главѣ всѣхъ этихъ предметовъ стоитъ золотой наплечникъ великокняжескаго кафтана, украшенный лиможскою эмалью XII — XIII вѣка), и затѣмъ отдѣлъ бытовыхъ памятниковъ. (Здѣсь, между прочимъ, довольно значительная коллекція русскаго фарфора и фаянса А. В. Селиванова).

Послѣ этого краткаго обозрѣнія наиболѣе выдающихся древностей Владимиро-Суздальской области, послужившихъ предметомъ изученія какъ для членовъ Владимирской архивной комиссіи, такъ и для членовъ настоящаго историко-археологическаго съѣзда, мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію самыхъ рефератовъ, числомъ около 30, читанныхъ на засѣданіяхъ съѣзда, по необходимости останавливая вниманіе только на болѣе крупныхъ изъ нихъ.

Сообразно программѣ занятій съѣзда работы членовъ его касались: 1) первобытныхъ древностей; 2) областной исторіи: древностей историческихъ (письменныхъ) и географическихъ; 3) памятниковъ (вещественныхъ) церковной и гражданской старины (памятниковъ церковнаго и гражданскаго зодчества, памятниковъ быта и иконописи); 4) живой старины; 5) архивовѣдѣнія и 6) архивныхъ комиссій.

По первому отдѣлу наиболѣе цѣннымъ былъ докладъ А. В. Селиванова: «О древнѣйшемъ населеніи Пріокскаго района, предшествовавшемъ славянской колонизаціи». Основныя его положенія

---

[1]) См. «В. Георгіевскій. Суздальскій Ризположенскій женскій монастырь. Историко-археологическое описаніе» (Владимиръ, 1900 г.). Въ приложеніяхъ къ нему описано много памятниковъ древне-русскаго искусства, появляющихся впервые въ печати, и помѣщенъ рядъ архивныхъ документовъ, вмѣстѣ съ «житіемъ» преподобной Евфросиніи, по списку XVII вѣка.

слѣдующія: «древняя культура Пріокскаго района, къ которому относятся, съ одной стороны, какъ пріокскіе могильники Борковскаго типа, такъ, съ другой, городища Дьякова типа, — является древнѣйшей изъ культуръ желѣзнаго вѣка, начало котораго можно отнести къ IV—V ст., а болѣе поздній періодъ къ VIII вѣку. Господствующій характеръ погребеній этой культуры—обыкновенныя погребенія не въ курганахъ, какъ у славянъ, а въ могильникахъ, на смѣну которымъ во вторую эпоху появляются смѣшанныя: трупосожженіе и сидячія. Пріокскую культуру можно считать посредствующей между каменнымъ вѣкомъ и позднѣйшей бронзовой культурой X—XII в.». По вопросу же о племени, къ которому относится древнее населеніе Пріокской области, референтъ, согласно другому изслѣдователю этого края, весьма небезызвѣстному археологу А. И. Черепнину, недавно скончавшемуся, склоненъ признать его за мерянское.

Затѣмъ прочитаны были два сообщенія о древностяхъ нынѣшней Тверской губерніи: П. Ѳ. Симсономъ — «Стоянка каменнаго вѣка подъ г. Зубцовомъ Тверской губерніи», и И. А. Ивановымъ — «О раскопкахъ В. Н. Мальковскаго кургановъ въ с. Рыбинскомъ Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губерніи».

Къ сожалѣнію, спеціальнаго доклада о раскопкахъ во владимирскихъ курганахъ, порученныхъ Н. Г. Макаренко организаціоннымъ комитетомъ настоящаго съѣзда, услышать не удалось, такъ какъ «нѣкоторыя вещи, найденныя при раскопкахъ, до сихъ поръ еще не возвращены изъ императорской археологической комиссіи». Равно не состоялся и докладъ Ю. Г. Гендуне: «О раскопкахъ въ Покровскомъ уѣздѣ Владимирской губерніи»; но весьма важнымъ пособіемъ для ознакомленія съ владимирскими курганами можетъ послужить обширная статья А. А. Спицына, напечатанная въ пятнадцатомъ выпускѣ «Извѣстій императорской археологической комиссіи», появившемся въ свѣтъ незадолго до съѣзда. Въ статьѣ этой, носящей названіе «Владимирскіе курганы», авторъ даетъ критическій разборъ раскопокъ гр. А. С. Уварова и П. С. Савельева въ 1851—1854 г.г., а также и другихъ лицъ до позднѣйшаго времени, сообщаетъ систематизацію кургановъ и находимыхъ въ нихъ вещей и въ заключеніе останавливается на вопросѣ: «Кому принадлежатъ владимирскіе курганы», рѣшая его въ пользу кривичскаго племени, вопреки раздѣляемому до сихъ поръ почти всѣми археологами мнѣнію графа А. С. Уварова, сторонника мерянъ. Въ виду такого крупнаго разнорѣчія нельзя, конечно, вмѣстѣ съ авторомъ вышеприведенной статьи не пожелать, чтобы владимирскіе курганы подверглись новымъ и болѣе точнымъ раскопкамъ, и чтобы на ряду съ ними были изслѣдованы почти нетронутые еще могильники и городища.

По отдѣлу «областной исторіи» первыми были заслушаны доклады Н. И. Троицкаго и Н. П. Травчетова. Н. И. Троицкій въ своемъ докладѣ — «Изъ исторіи славянской колонизаціи средняго Поволжья» — старался доказать, что «начавшаяся въ концѣ XVI столѣтія колонизація средняго Поволжья, какъ явленіе, параллельное съ колонизаціей верхняго Дона и его притоковъ, объясняется занятіемъ Казани, уничтоженіемъ враждебныхъ дѣйствій Крымскихъ татаръ, укрѣпленіемъ и обороной окраинъ Московскаго государства боярами и особенно княземъ Воротынскимъ въ его вотчинахъ и ихъ окрестностяхъ». Второй референтъ, задавшійся вопросомъ: «Кого изъ муромскихъ князей слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ св. благовѣрнаго князя Петра, въ иночествѣ Давида, муромскаго чудотворца», и рѣшившій въ пользу Давида Юрьевича, умершаго въ 1228 г., по нашему мнѣнію, болѣе правъ, нежели г. Квашнинъ-Самаринъ, который на второмъ областномъ историко-археологическомъ съѣздѣ въ г. Твери сдѣлалъ попытку связать его съ именемъ князя Петра, жившаго въ началѣ XIV вѣка.

Затѣмъ Г. А. Ряжскій, на основаніи дѣла 1722 г., извлеченнаго имъ изъ архива Суздальской духовной консисторіи, «о мощахъ благовѣрнаго князя Ѳеодора Стародубскаго», котораго почитать за святого строго воспретила Суздальская консисторія, доказалъ, что «князь Ѳеодоръ Ивановичъ (Никон. лѣт.) или Михайловичъ (по родосл. кн.) Стародубскій, по прозванію «благовѣрный»,—лицо историческое, дѣйствительно убитъ въ ордѣ Узбекомъ въ 1330 г. и по всѣмъ даннымъ погребенъ въ с. Алексинѣ, которое было его вотчиной», и что въ настоящемъ случаѣ народное преданіе, отвергнутое церковью, историческими данными подтверждается, между тѣмъ какъ обыкновенно бываетъ наоборотъ [1]).

Изъ послѣдующихъ рефератовъ: «О лицевомъ цвѣтникѣ»—Д. И. Скворцова; «Слѣды существованія особой Муромской лѣтописи»—С. Н. Введенскаго, пытавшагося доказать дѣйствительность этого упоминаемаго В. Н. Татищевымъ лѣтописнаго источника; «Откуда произошло имя офеней»—того же автора и «Помѣщики Владимирскаго края—князья Пожарскіе»—Л. М. Савелова, напечатавшаго полное родословіе Пожарскихъ въ 4—5 выпускѣ «Лѣтописи занятій историко-родословнаго общества въ Москвѣ» (1906 г.),—наибольшее вниманіе и пренія возбудилъ докладъ проф. М. Н. Береж-

[1]) Г. А. Ряжскому принадлежитъ и другая работа, изданная Владимирской архивной комиссіей къ настоящему съѣзду: «Топографическое описаніе Владимирской губерніи, составленное въ 1784 г.». Но, къ сожалѣнію, это ученое изданіе, «имѣвшее цѣлію воспроизвести одинъ изъ любопытныхъ памятниковъ русской топографіи XVIII вѣка»—«Атласъ Владимирской губерніи», извлеченный г. Ряжскимъ изъ Московскаго Румянцевскаго музея,—не было имъ резюмировано на съѣздѣ.

кова, прочитавшаго «О лѣтописи Владимирской со стороны состава и содержанія». Отправляясь отъ изданной обществомъ любителей древней письменности Радзивиловской или Кенигсбергской лѣтописи (XV вѣка) и отъ изслѣдованія о ней академика А. А. Шахматова, докладчикъ привелъ главные выводы послѣдняго о составѣ владимирскихъ лѣтописей XII—XIII вѣковъ и ихъ содержаніи, отмѣтилъ разнорѣчивыя показанія старыхъ владимирскихъ лѣтописей, а равно и рисунковъ въ Радзивиловской, объ Успенскомъ соборѣ, разнорѣчія въ «Сказаніяхъ о кончинѣ Андрея Боголюбскаго» XIV—XV и XVI—XVII вѣковъ и т. д. Болѣе всего вызвали толковъ рисунки Радзивиловской лѣтописи, которымъ проф. С. Ѳ. Платоновъ не придавалъ никакого значенія, и наоборотъ Н. В. Покровскій и академикъ А. И. Соболевскій видѣли въ нихъ повтореніе старыхъ рисунковъ, дающихъ болѣе или менѣе правильное представленіе объ изображаемыхъ ими предметахъ. Затѣмъ проф. С. Ѳ. Платоновъ, вопреки докладчику, настаивалъ на наличности искаженій и выпусковъ въ Московскомъ сводѣ лѣтописей.

Наиболѣе интересными и цѣнными, какъ и слѣдовало ожидать, были доклады по третьему отдѣлу: «Памятники (вещественные) церковной и гражданской старины. Памятники церковнаго и гражданскаго зодчества. Памятники быта. Иконопись».

На утреннемъ засѣданіи 21 іюня, которое открылъ рѣчью почетный предсѣдатель, извѣстный историкъ Д. И. Иловайскій, пожелавшій, между прочимъ, заняться съѣзду и архивной комиссіи рѣшеніемъ вопросовъ: 1) о выясненіи самаго происхожденія Ростово-Суздальской, Владимирской Руси, т.-е. происхожденія великорусской народности, населяющей этотъ край, и 2) о храмовомъ зодчествѣ Владимиро-Суздальскаго стиля,—А. А. Титовъ прочелъ: объ «иконѣ св. Троицы (Господь въ лонѣ Отчемъ)», извѣстной въ Москвѣ съ XVI вѣка; объ иконѣ Казанской Божіей Матери, находящейся въ Тульскомъ соборѣ, и о портретѣ нѣкоего Тимоѳея Архипыча, который жилъ при дворѣ царицы Прасковьи Ѳеодоровны, пріобрѣлъ извѣстность росписью церкви въ Чудовомъ монастырѣ и затѣмъ роздалъ свои деньги бѣднымъ и сталъ юродствовать.

Вслѣдъ за А. А. Титовымъ академикъ А. И. Соболевскій доложилъ: «Двуперстіе, сугубая аллилуйя и хожденіе посолонь съ точки зрѣнія исторической». Въ виду высокаго интереса этого доклада мы позволимъ себѣ привести его здѣсь въ извлеченіи.

«Нѣкоторые вопросы въ области русской церковной археологіи,—началъ академикъ А. И. Соболевскій,—были до сихъ поръ пред-

метомъ только полемическихъ сочиненій православныхъ авторовъ, съ одной стороны, и старообрядцевъ, съ другой. Послѣдній авторъ, о нихъ писавшій, академикъ Е. Е. Голубинскій, старавшійся быть безпристрастнымъ историкомъ, тѣмъ не менѣе, имѣлъ въ виду полемику и далъ своему труду характерное заглавіе: «Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами» (М., 1905 г., 2-е изд.). Понятно, полемическія цѣли мѣшали смотрѣть на данныя научнымъ образомъ даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ выступали ученые. Наше время имѣетъ одну хорошую сторону: мы можемъ оставить въ сторонѣ полемическіе интересы и перенести намѣченные нами вопросы въ область науки»... Вопросы эти приведены въ заголовкѣ реферата и имѣютъ, по словамъ автора, тѣсную связь съ четвертымъ общимъ вопросомъ «объ авторитетѣ грековъ у русскихъ въ дѣлахъ вѣры и обряда».

Выясняя, затѣмъ, отношенія между Русью и Греціей и Константинопольской церковью въ особенности, референтъ утверждаетъ, что Россія, подчиненная въ церковныхъ дѣлахъ Константинополю, до конца XII вѣка всегда строго слѣдовала въ области церковнаго обряда за Константинополемъ. Но со взятіемъ Константинополя латинянами и нашествіемъ на Россію татаръ, прежнія частыя сношенія съ Византіей и Аѳономъ должны были прекратиться и возобновились лишь во второй половинѣ XIV вѣка, чрезъ посредство проживавшихъ тамъ южно-славянскихъ монаховъ; и хотя послѣ 1453 г. сношенія русскихъ съ греками вновь сократились, но «нѣсколько десятковъ лѣтъ общенія оказали значительное вліяніе на русскую литературу, культуру и церковную обрядность».

«Константинополь въ половинѣ XIV вѣка съ императоромъ и дворомъ, съ патріархомъ и высшимъ духовенствомъ сохранялъ еще много изъ того, что было принесено имъ изъ Никеи, послѣ изгнанія латинянъ. Между тѣмъ большинство простого греческаго населенія въ Европѣ держалось прежнихъ обычаевъ, унаслѣдованныхъ отъ старины; стремленія императоровъ и патріарховъ съ ихъ близкими къ уніи съ Римомъ были ему не симпатичны... Южные славяне, жившіе въ Константинополѣ и на Аѳонѣ, мало посвященные во взаимныя отношенія греческаго населенія, слѣдовали, конечно, тому, чего держались греческіе духовные сановники, если они были строго православными, а не тому, что сохранялось греческой народной массой. Отсюда распространеніе особенностей малоазійскихъ церквей въ южно-славянскихъ книгахъ, а за ними и въ богослужебной практикѣ. Русскіе, подобно южнымъ славянамъ и подъ ихъ вліяніемъ, также пошли за греческими духовными сановниками и стали переносить малоазійскую обрядность на русскую церковную почву»... «До XIV вѣка мы не имѣемъ ни въ лѣтописяхъ, ни вообще въ русской литературѣ никакихъ слѣдовъ спора о пѣніи аллилуйя. Очевидно, въ древней Руси всѣ пѣли аллилуйя

одинаково. Только въ XV вѣкѣ возникло разногласіе. Во Псковѣ, гдѣ всѣ привыкли трегубить аллилуйя, появилось двоеніе этой пѣсни, заставившее псковичей около 1469 г. обратиться за разрѣшеніемъ къ митрополиту Фотію»... «Фотій, родомъ грекъ изъ Мореи, въ то время освоившійся вполнѣ уже со старыми московскими обычаями, далъ псковичамъ отвѣтъ въ пользу троенія. Но лѣтъ черезъ 35 послѣ отвѣта Фотія во Псковѣ вновь появилось двоеніе. Его распространялъ монахъ Аѳанасій, нѣкоторое время жившій въ Константинополѣ и на Аѳонѣ и познакомившійся съ практикой главныхъ греческихъ храмовъ. Споры возобновились и окончились во Псковѣ приговоромъ псковичей въ пользу троенія. Но авторитетъ Константинополя и Аѳона былъ такъ силенъ въ Россіи XV вѣка, что и въ Москвѣ и въ Литовской Руси преобладаніе въ концѣ концовъ получило двоеніе»...

«Паисіевскій сборникъ, памятникъ псковскаго письма конца XIV или начала XV вѣка, имѣетъ на своихъ страницахъ отрывокъ съ проклятіемъ тѣмъ, кто не крестится тремя перстами. Неизвѣстный псковичъ, защищавшій въ половинѣ XV вѣка трегубленіе аллилуйя, укоряетъ грековъ за принятіе «печати антихристовой на челѣ и на десницѣ» при крестномъ знаменіи, т.-е. за неправильное перстосложеніе. Очевидно, рядомъ со споромъ объ аллилуйя во Псковѣ велся споръ о перстосложеніи. Е. Е. Голубинскій говоритъ, что Псковъ держался двуперстія, а новшествомъ являлось троеперстіе. Мы думаемъ наоборотъ, считая двуперстіе за обычай греческой малоазійской церкви»...

Что касается послѣдняго вопроса—о торжественномъ хожденіи вокругъ церкви по солнцу или противъ солнца, то объ этомъ заговорили только въ концѣ XV вѣка. «Въ 1478 г., когда митрополитъ Геронтій при освященіи Успенскаго собора совершилъ хожденіе противъ солнца, великій князь (Іоаннъ III) прогнѣвался на него, находя, что хожденіе должно быть по солнцу; но нѣкоторые архимандриты и игумены вступились за митрополита и сослались на аѳонскую практику»...«Повидимому, хожденіе противъ солнца, котораго держался митрополитъ Геронтій, было для Москвы новшествомъ, перешедшимъ изъ Константинополя и Аѳона при большемъ или меньшемъ посредствѣ южныхъ славянъ уже въ XV вѣкѣ, а хожденіе по солнцу, напротивъ, обычаемъ «старшимъ», господствовавшимъ въ Россіи до конца XV вѣка».

Довольно интереснымъ и живымъ, затѣмъ, былъ докладъ В. Т. Георгіевскаго—«Объ иконописи во Владимиро-Суздальскомъ краѣ», сущность котораго сводилась къ слѣдующему: «Изученіе памятниковъ древней иконописи Владимиро-Суздальскаго края еще почти совсѣмъ не начато. Трудность изученія этихъ памятниковъ обусловливается отсутствіемъ опредѣленнаго метода, каковой наукой еще не выработанъ. Изслѣдователи русскаго иконописанія до

сихъ поръ болѣе всего обращали вниманіе на иконографію памятниковъ иконописи, между тѣмъ какъ стиль, техника этихъ памятниковъ затрогивались изслѣдователями мало». Разобравъ недостатки метода изслѣдователя русской иконописи у Ровинскаго, проф. Н. В. Покровскаго и его учениковъ братьевъ Успенскихъ, выступившихъ въ качествѣ вторнаго эхо своего учителя, на одномъ изъ послѣднихъ археологическихъ съѣздовъ, референтъ далъ рядъ методическихъ указаній, которыми, по его мнѣнію, долженъ руководиться изслѣдователь русскаго иконописанія, при описаніи памятниковъ иконописи. Завязавшійся по поводу этого сообщенія споръ между Н. В. Покровскимъ и докладчикомъ грозилъ затянуться надолго и былъ отложенъ, повидимому, до появленія работы послѣдняго въ печати, съ выходомъ въ свѣтъ «Трудовъ» Владимирскаго съѣзда.

Особое вниманіе и лестные отзывы со стороны спеціалистовъ изъ состава членовъ съѣзда вызвалъ читанный на утреннемъ засѣданіи 24 іюня, въ присутствіи муромскаго епископа Александра, рефератъ проф. Кіевской духовной академіи, А. А. Дмитріевскаго: «Къ исторіи христіанской фресковой живописи XIV—XV вв. по аѳонскимъ (святогорскимъ) памятникамъ». Выходя изъ того положенія. что «изученіе аѳоно-византійскихъ фресокъ, современныхъ фрескамъ владимирскихъ храмовъ—Успенскаго и Дмитріевскаго соборовъ, можетъ имѣть важное значеніе въ дѣлѣ изученія этихъ послѣднихъ, съ одной стороны, и съ другой, —что «фрески Святопавловскаго монастыря въ параклисѣ св. Георгія доселѣ никѣмъ изъ нашихъ археологовъ не изучались и совершенно не изданы въ свѣтъ», референтъ познакомилъ какъ со временемъ происхожденія аѳонскихъ святопавловскихъ фресокъ, такъ и съ ихъ научнымъ значеніемъ въ исторіи христіанской иконографіи вообще и аѳонской иконописи въ частности. Значеніе этихъ фресокъ заключается въ томъ, что, благодаря ихъ изученію и изданію въ свѣтъ по фотографіямъ, сдѣланнымъ Н. Д. Никольскимъ, является нынѣ возможность утверждать съ положительностью, 1) что на Аѳонѣ существовала живопись до XVI в. и типы ея опредѣлялись уже вполнѣ въ XIV — XV вв., 2) что иконопись аѳонская находится въ прямой генетичной зависимости отъ иконописи византійской, 3) что нѣтъ никакихъ основаній считать въ исторіи христіанской иконописи существеннымъ пробѣломъ отсутствіе въ аѳонской иконописи росписей XIV — XV вв., лучшимъ и драгоцѣннѣйшимъ образчикомъ коихъ долженъ быть признанъ параклисъ св. Георгія 1423 г. въ Святопавловскомъ Аѳонскомъ монастырѣ, и 4) что эти послѣднія фрески, въ сопоставленіи съ фресками того же XV столѣтія владимирскихъ соборовъ, отличаются громадными художественными преимуществами и заставляютъ глубоко скорбѣть о реставраціи и яркой колоритности первыхъ, утратившихъ обаятельную типичную простоту сѣдой старины. Въ заключеніе референтъ

описалъ фрески, изображающія Ангела великаго совѣта, «Живоносный источникъ» (Богоматерь съ младенцемъ-Христомъ у персей въ чашѣ), Іоанна Предтечу, апостоловъ Петра и Павла, архидіакона Стефана, Киріака-отшельника, Спасителя на тронѣ и во гробѣ и др., и демонстрировалъ ихъ по фотографіямъ, вывезеннымъ изъ Аѳона.

Изъ числа остальныхъ рефератовъ этого отдѣла: И. А. Тихомирова («О нѣкоторыхъ ярославскихъ гербахъ»), П. Ѳ. Симсона («Затерянное Петровское изданіе притчей Эзоповыхъ съ гравюрами»), Н. Г. Первухина («Символизмъ старой русской иконописи»), І. К. Линдемана («Выводъ символическаго значенія обруча на основаніи поправки одного историческаго мѣста лѣтописи») и др.,—нельзя не остановиться на сообщеніи проф. И. А. Шляпкина: «Замѣтка объ иконографіи Александра Невскаго». Указавъ на то, что представленное имъ изображеніе Александра Невскаго на конѣ отражаетъ народное воззрѣніе на него, какъ на князя-воина, защитника Русской земли, проф. И. А. Шляпкинъ разсказалъ и исторію его канонизаціи. «Въ Новгородской лѣтописи, въ разсказѣ о смерти Александра Невскаго, еще нѣтъ о немъ рѣчи, какъ о святомъ. Въ XV в. во Владимирѣ появляется преданіе о чудѣ, совершенномъ при погребеніи Александра Невскаго. Затѣмъ до XVI столѣтія свѣдѣній о князѣ не имѣется. Въ XVI столѣтіи образъ его начинаетъ особенно блестѣть. Создаются сказанія объ участіи его на Куликовомъ полѣ, о чудѣ въ Рождественскомъ монастырѣ, во время котораго видѣли князя, сидящаго на конѣ. Въ 1547 г. Александръ Невскій причисляется къ лику святыхъ, и появляются иконныя изображенія его, но въ схимѣ. Въ 1724 г. святѣйшій синодъ запретилъ изображеніе Александра Невскаго въ схимѣ и повелѣлъ изображать его въ княжескихъ одѣяніяхъ»...

По отдѣлу «живая старина» имѣли мѣсто два доклада М. Е. Соколова: «Великорусскія весеннія и хороводныя пѣсни, записанныя въ Саратовской губерніи», и В. А. Андроникова: «Страничка изъ исторіи народно-бытовой медицины (лѣчебныя средства, употребляемыя простымъ народомъ въ предѣлахъ Костромской губерніи)».

Изъ области архивовѣдѣнія члены съѣзда были ознакомлены В. Е. Рудаковымъ съ исторіей и содержаніемъ архива департамента герольдіи правительствующаго сената, который, по мнѣнію докладчика, какъ совершенно самостоятельное и особое учрежденіе — хранилище и по своему исключительному роду дѣлъ, и по той живой и непрерывной связи дѣлъ прежнихъ лѣтъ съ текущимъ дѣлопроизводствомъ, какой не наблюдается нигдѣ изъ департамен-

товъ сената, — является общимъ центральнымъ, всероссійскимъ архивомъ, заключающимъ въ себѣ очень много дѣлъ и документовъ высокаго государственнаго, общественнаго и научнаго значенія и, къ сожалѣнію, весьма нуждающимся въ новомъ помѣщеніи и средствахъ къ его переустройству.

Второй докладчикъ, Л. М. Совеловъ, указавъ на цѣнность «семейныхъ архивовъ», обратился къ съѣзду и представителямъ архивныхъ комиссій съ призывомъ оказать дѣятельную помощь въ спасеніи ихъ въ настоящую смутную и тяжелую годину. По отношенію къ частнымъ дворянскимъ архивамъ постановлено было, между прочимъ, просить предводителей дворянства оказать необходимое содѣйствіе къ ихъ сохраненію, напр., путемъ передачи въ архивную комиссію.

Наконецъ, въ послѣдней секціи былъ поднятъ вопросъ о реорганизаціи губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій Трудно даже себѣ представить тотъ живѣйшій интересъ, который возбудилъ этотъ вопросъ. Большинство членовъ комиссіи, участниковъ съѣзда, изъ которыхъ до 6 или 7 человѣкъ было предсѣдателей комиссій, съ чисто патетическимъ чувствомъ отзывались о родныхъ своихъ дѣтищахъ — комиссіяхъ, ярко рисовали ихъ тяжелое, а по временамъ и прямо безотрадное, положеніе отъ произвола губернаторовъ (какъ, напр., бывшаго ярославскаго губернатора, г. Роговича, разогнавшаго комиссію съ первыхъ же дней своего управленія губерніей—которымъ подчинило ихъ высочайше утвержденное «Положеніе объ архивныхъ комиссіяхъ» 1884 г.,— ихъ полнѣйшую матеріальную зависимость отъ мѣстныхъ городскихъ и земскихъ учрежденій и полное безправіе, и безпомощность членовъ ихъ, особенно обнаруживаемыя при нерѣдкихъ случаяхъ уничтоженія цѣнныхъ предметовъ старины или при ознакомленіи съ мѣстными правительственными архивами. «Денежныхъ средствъ и правъ нужно добиваться для архивныхъ комиссій»—было общимъ возгласомъ. И дѣйствительно только «съ деньгами и правами» можно съ пользою приступить къ выработкѣ детальныхъ положеній объ архивныхъ комиссіяхъ, которыя уже давно переросли. Положеніе 1884 г.; только тогда онѣ станутъ желательными и дѣйствующими на самостоятельной почвѣ мѣстными историко-археологическими обществами, и только тогда станетъ возможнымъ уберечь отъ уничтоженія и порчи какъ вещественные памятники старины, такъ и равно и малоизвѣстные еще, разсѣянные по лицу всей земли Русской, архивные матеріалы.

Какъ ни трудна настоящая година, какъ ни далеко, повидимому, нынѣшнее время отъ обсужденія научныхъ, хотя и живыхъ

историческихъ вопросовъ, все же это не могло поколебать и отвлечь членовъ съѣзда и представителей архивныхъ комиссій отъ заботъ о неотложныхъ нуждахъ послѣднихъ. Не видя возможности въ настоящій моментъ прибѣгать къ какимъ либо отдѣльнымъ мѣрамъ, указываемымъ нѣкоторыми изъ членовъ съѣзда, напримѣръ, передачѣ въ архивныя комиссіи тѣхъ 2.000 рублей, которые идутъ теперь на пребывающіе въ полномъ покоѣ статистическіе губернскіе комитеты,—члены съѣзда рѣшили въ теченіе 1906—1907 академическаго года, вмѣсто прежнихъ отдѣльныхъ келейныхъ совѣщаній о комиссіяхъ, составить новый съѣздъ, изъ представителей всѣхъ архивныхъ комиссій, исключительно для обсужденія нуждъ послѣднихъ и выработки для нихъ новаго устава, и непремѣнно въ Петербургѣ, при посредствѣ директора императорскаго археологическаго института, которому, какъ объединяющему центру, и подвѣдомственны по официальному «Положенію» архивныя комиссіи.

Вполнѣ раздѣляя это послѣднее постановленіе, я бы только посовѣтовалъ не ограничиваться на съѣздѣ присутствіемъ однихъ 25 — 30 представителей комиссій, а приглашать, по возможности, и стороннихъ лицъ, которымъ не менѣе дороги интересы архивныхъ комиссій, и которыя съ готовностью отзовутся на призывъ новаго съѣзда. Чѣмъ разностороннѣе будетъ обсуждаться основной вопросъ, чѣмъ будетъ больше заинтересованныхъ лицъ, тѣмъ больше будетъ и желанныхъ результатовъ.

Это продолжительное, затянувшееся до поздняго часа, засѣданіе было завершено краткимъ докладомъ члена-учредителя Русскаго Библіологическаго общества въ С.-Петербургѣ, В. Е. Рудакова, обратившагося къ съѣзду съ предложеніемъ позаботиться о составленіи и изданіи общаго библіографическаго Указателя къ періодическимъ изданіямъ всѣхъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. Въ отвѣтъ на него «собраніе постановило просить отъ имени съѣзда архивныя комиссіи заняться составленіемъ (карточнаго) указателя къ своимъ изданіямъ и затѣмъ составленные такимъ путемъ указатели передать (при посредствѣ Владимирской архивной комиссіи) В. Е. Рудакову для общей ихъ сводки»[1]).

Вечеромъ 26 іюня состоялось заключительное засѣданіе съѣзда, на которомъ были констатированы въ общихъ чертахъ доклады членовъ; выяснены результаты археологическихъ экскурсій, глав-

---

[1]) См. стр. 42 «Справочнаго Листка 3-го областного историко-археологическаго съѣзда въ губ. г. Владимирѣ», № 6.

нымъ образомъ, въ Суздалѣ и въ самомъ Владимирѣ, при обозрѣніи соборовъ: Успенскаго и Дмитріевскаго; прочитано, между прочимъ, М. А. Холоднякъ сообщеніе объ «учрежденіи въ Петербургѣ школы имени преп. Ефросиніи Суздальской», «на чисто національныхъ началахъ, гдѣ бы объ руку съ серьезнымъ научнымъ курсомъ шло и воспитаніе нравственное, основанное на крѣпкой вѣрѣ и любви къ своей родинѣ», и, послѣ обмѣна теплыми благодарственными привѣтствіями между членами съѣзда и его организаторами, постановлено назначить слѣдующій четвертый областной историко-археологическій съѣздъ въ 1909 году въ городѣ Костромѣ.

Въ дополненіе къ научной дѣятельности съѣзда приводимъ изданія Владимирской архивной комиссіи, предпринятыя ею спеціально къ этому съѣзду и демонстрированныя на немъ.

1. А. В. Смирновъ. Библіографическій указатель статей къ неоффиціальной части «Владимирскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» и Влад. Епархіальныхъ Вѣдомостей по 1900 г.

2. Я. О. Кузнецовъ. Становые управители Ярославской провинціи. Влад. 1904 г.

3. С. И. Недешевъ. Краткое описаніе рукописей церковно-историческаго древлехранилища при Братствѣ святого Благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго. Вып. I. Вл. 1906 г.

4. Г. А. Ряжскій. Топографическое описаніе Владимирской губерніи, составленное въ 1784 году. Вл. 1906 г.

5. М. И. Трегубовъ. Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ Владимирской губерніи. Вл. 1905 г.

6. Ѳ. К. Сахаровъ. Хронологическая опись дѣлъ о расколѣ, хранящихся въ архивахъ губ. г. Владимира. Часть первая (1720 — 1855 гг.). Влад. 1905 г.

7. И. Ф. Масановъ. Библіографія Владимирской губерніи. (Подъ редакціей А. В. Смирнова). Влад. 1905 г.

8. В. В. Касаткинъ. Монастыри, соборы и приходскія церкви Владимирской епархіи, построенныя до начала XIX столѣтія. Краткія историческія свѣдѣнія, съ приложеніемъ описей сохраняющихся въ нихъ древнихъ предметовъ. Часть I. Монастыри. Влад. 1906 г.

9. Каталогъ археологической выставки, устроенной по случаю 3-го областного историко-археологическаго съѣзда въ губ. г. Владимирѣ. Влад. 1906 г.

Редакція «Историческаго Вѣстника» впервые посвящаетъ съ такими подробностями, хотя въ то же время и весьма бѣглый очеркъ дѣятельности областного историко-археологическаго съѣзда; впервые она имѣла въ числѣ его членовъ и своего представителя, и потому съ бо́льшимъ удовольствіемъ привѣтствуетъ всѣхъ членовъ-дѣятелей настоящаго съѣзда и въ особенности устроителей его

членовъ молодой, но уже далеко опередившей результатами своей научной дѣятельности старыхъ собратій Владимирской архивной комиссіи.

Необходимость устройства всероссійскихъ археологическихъ съѣздовъ созвана уже давно. Они созываются съ 1869 г., и въ будущемъ году долженъ состояться четырнадцатый археологическій всероссійскій съѣздъ въ г. Черниговѣ.

До учрежденія ученыхъ архивныхъ комиссій и до болѣе или менѣе значительнаго развитія ихъ дѣятельности, конечно, не могло быть и рѣчи объ областныхъ археологическихъ съѣздахъ. Но чѣмъ больше возникало архивныхъ комиссій, чѣмъ больше расширялся кругъ ихъ дѣятельности, становящейся одновременно и болѣе извѣстной въ мѣстномъ обществѣ, тѣмъ сильнѣе должна была ощущаться потребность въ обмѣнѣ мыслей у дѣятелей съ одинаковыми задачами, тѣмъ больше чувствоваться ими необходимость подѣлиться результатами своихъ научныхъ и коллекціонныхъ работъ, провѣрить свои мысли и, благодаря этому, получить новый запасъ силъ и бодрости для продолженія дальнѣйшихъ трудовъ. Поэтому неудивительно, что у нѣкоторыхъ изъ дѣятелей архивныхъ комиссій мысль объ устройствѣ областныхъ археологическихъ съѣздовъ возникала значительно раньше открытія перваго такого съѣзда въ г. Ярославлѣ, состоявшагося ровно чрезъ пятнадцать лѣтъ послѣ начала дѣятельности древнѣйшихъ архивныхъ комиссій: Рязанской, Тверской, Тамбовской и Орловской. Но отъ возникновенія мысли до ея осуществленія, какъ мы видимъ, немало воды утекло; немало нужно было побѣдить препятствій: матеріальныхъ и моральныхъ, разсѣять сомнѣній и недовѣрій. Уже первый Ярославскій съѣздъ наглядно показалъ, что къ такимъ съѣздамъ архивныя комиссіи съ ихъ мѣстными дѣятелями вполнѣ готовы; а второй Тверской сломалъ и послѣднюю брешь. Болѣе всѣхъ другихъ сомнѣвавшееся въ результативности областныхъ съѣздовъ Московское археологическое общество на нынѣшнемъ съѣздѣ во Владимирѣ выступило уже участникомъ его, въ лицѣ своего предсѣдателя, графини П. С. Уваровой. Избранная почетной предсѣдательницей въ засѣданіи секціи «первобытныхъ древностей», послѣдняя обратилась къ съѣзду съ такою рѣчью: «Открывая засѣданіе, позволяю обратиться къ членамъ съѣзда съ выраженіемъ глубокой благодарности за оказанную мнѣ честь назначеніемъ почетнымъ предсѣдателемъ нынѣшняго засѣданія. Я далека отъ мысли приписать эту честь лично мнѣ, какъ графинѣ Уваровой, но вижу въ этомъ назначеніи справедливую оцѣнку широкой просвѣтительной дѣятельности императорскаго Московскаго археологическаго общества, которое съ 1868 г. стало во главѣ археологическихъ съѣздовъ и съ тѣхъ поръ неустанно завѣдуетъ ихъ устройствомъ и изданіемъ ихъ трудовъ. Нашлись, правда, люди,

которые хотятъ увѣрить архивныя комиссіи, что я противъ областныхъ съѣздовъ, но я смѣю увѣрить, что вижу въ нихъ только младшихъ братій нашихъ всероссійскихъ съѣздовъ, желающихъ поработать въ той же области изученія родной старины, и думаю, что дѣлить намъ нечего, такъ какъ дѣла много, а дѣятелей, въ особенности при безобразной постановкѣ учебнаго дѣла за послѣдніе годы, къ сожалѣнію, все меньше и меньше».

Отнынѣ, такимъ образомъ, по счастливому выраженію графини П. С. Уваровой, областные археологическіе съѣзды — «меньшіе братья» всероссійскихъ съѣздовъ, поэтому они въ полномъ правѣ ожидать отъ старѣйшихъ и бо̀льшаго къ себѣ сочувствія и бо̀льшаго участія, чѣмъ наблюдалось до сихъ поръ. А то и другое крайне необходимо.

Мѣстные безкорыстные труженики науки нуждаются въ авторитетной поддержкѣ со стороны представителей ученыхъ учрежденій и ученыхъ обществъ, до послѣдняго времени дѣлившихся своими свѣдѣніями лишь на всероссійскихъ съѣздахъ. Имъ необходимо еще, какъ выразился Н. В. Покровскій въ своей привѣтственной рѣчи при открытіи настоящаго съѣзда, «помочь разобраться въ обширной массѣ цѣнныхъ матеріаловъ, расширить, по возможности, ихъ ученый кругозоръ». А вмѣстѣ съ этимъ увеличится энергія у старыхъ работниковъ, и появятся новыя силы, новые преданные наукѣ дѣятели, которыми всегда была и будетъ полна наша матушка-Россія, какъ показалъ и настоящій съѣздъ, привлекшій въ нынѣшнее смутное и опасное время, вопреки ожиданіямъ, свыше 200 членовъ, лишь бы только былъ просторъ и свободный доступъ къ источникамъ науки. Пробудится тогда и въ мѣстномъ обществѣ интересъ къ родной старинѣ, знаніе которой составляетъ основу истиннаго просвѣщенія и помогаетъ познать будущее.

На нынѣшнемъ Владимирскомъ историко-археологическомъ съѣздѣ участвовали многіе университеты, ученыя общества и архивныя комиссіи. Изъ числа членовъ ихъ, какъ на наиболѣе видныхъ дѣятелей на съѣздѣ, слѣдуетъ указать, кромѣ, конечно, мѣстной комиссіи, А. И. Соболевскаго, директора императорскаго археологическаго института—Н. В. Покровскаго, проф. С. Ѳ. Платонова, проф. И. А. Шляпкина, проф. А. А. Дмитріевскаго, Д. И. Иловайскаго (депутата отъ Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ), В. Т. Георгіевскаго, И. А. Иванова, П. И. Илинскаго и др.

Судить о результатахъ научныхъ занятій съѣзда до отпечатанія всѣхъ его работъ [1]) въ «Трудахъ» съѣзда, конечно, трудно, но

[1]) Цѣлый рядъ весьма содержательныхъ рефератовъ не былъ доложенъ на съѣздѣ или за недостаткомъ времени, или за неявкою референтовъ, но многіе изъ нихъ, съ согласія авторовъ, навѣрное будутъ напечатаны въ «Трудахъ» съѣзда.

и по тому краткому изложенію, какое дается въ нашей замѣткѣ, можно съ положительностью сказать, что Владимирскій съѣздъ далъ много цѣннаго научнаго матеріала, указалъ новыя задачи для будущихъ изслѣдователей, намѣтилъ имъ вѣрные пути и во многомъ подвинулъ изученіе мѣстныхъ древностей и мѣстной исторіи.

Въ то же время, на нашъ взглядъ, онъ еще больше утвердилъ добрыя отношенія между собравшимися съ разныхъ концовъ обширной нашей родины научными дѣятелями, истинно любящими свою родную старину, способствовалъ взаимному обмѣну насиженными въ центрахъ и захолустьяхъ свѣдѣніями и многихъ «окрылилъ» къ дальнѣйшей научной работѣ.